

"АНТИЗАПАДНИЧЕСТВО" КАК СТРАТЕГИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Автор: Д. В. НОВИКОВ

Важнейший фактор, определяющий стратегию и тактику поведения современной российской элиты, - качественное состояние политико-социальной системы. Логика ее социальных действий - это, по существу, закономерная реакция на характер ситуации, сложившейся в российском социуме. Поэтому деятельность элиты может быть интерпретирована как совокупность рациональных действий, нацеленных на максимальное использование сложившихся, детерминированных наличной политико-экономической ситуацией, "выгод" при одновременной минимизации "издержек".

По мнению некоторых исследователей [Смолин, 2006], специфика исторической ситуации, сложившейся в России в 90-е гг. XX в., наиболее адекватно характеризуется термином "революция". Правомерность использования данного термина объясняется коренным, комплексным характером изменений, произошедших в российском обществе в этот период. Либеральные преобразования коснулись всех без исключения сфер общественной жизни - от экономической до духовной.

Вместе с тем самыми важными, вне всякого сомнения, явились кардинальные изменения в экономике. В ходе шоковой терапии, ваучерной приватизации, введения частной собственности произошло радикальное перераспределение материальных ресурсов. В результате возник новый стратификационный профиль российского общества. Особенностью его стало появление (даже не формирование) сравнительно узкого по составу класса собственников, сумевшего выгодно воспользоваться сложившейся политико-экономической конъюнктурой и аккумулировать в своих руках значительную часть экономических ресурсов.

В силу исторической специфики и традиций состав этой группы собственников определялся их близостью к системе государственного управления. В итоге к середине 1990-х гг. в России возникла новая социальная группа, которую можно охарактеризовать как политико-экономическая элита. (В данном контексте термин "политическая" занимает приоритетное по отношению к термину "экономическая" положение, поскольку цивилизационным "кодом" России являлся примат власти, политики над экономикой [Крыштановская, 2005].)

Столь серьезные революционные изменения, связанные с заменой формального политико-экономического равенства дихотомичной социальной структурой, с неизбежностью требовали решения задачи легитимации. При этом специфика исторической ситуации заключалась в избыточном количестве "внешней" легитимности, в основе которой лежало одобрение и безоговорочная поддержка Западом российской либеральной революции. Вместе с тем российские социально-экономические трансформации испытыва-

*Н о в и к о в Денис Викторович - старший преподаватель кафедры философии и социологии
Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.*

ли серьезный дефицит "внутренней" легитимности, связанной с поддержкой реформ внутри самого российского общества.

Основной целью рациональной стратегии элиты на данном этапе исторической ситуации объективно стало воспроизводство внешних и внутренних факторов, способствующих поддержанию продолжающегося процесса перераспределения собственности. Поэтому рациональная стратегия действий элиты в данных условиях была направлена на решение двух задач: поддержания высокого наличного уровня "внешней" легитимности и сохранения существующего (хотя и низкого) уровня легитимности "внутренней".

Следствием решения первой задачи стала "западническая" идеологическая ориентация элиты. (Здесь следует отметить, что на формирование "западнической" направленности элиты сильнейшим образом повлияли факторы экзогенного характера. В их основе лежали объективная слабость российской экономики и связанная с этим сильнейшая зависимость России от внешних финансовых заимствований.)

Из всех составляющих общественной жизни "западническая" ориентация российской элиты наиболее рельефно проявилась в сфере внешней политики. Здесь "атлантизм" стал, по существу, парадигмой принятия решений. Ярким примером в этом отношении может служить позиция и деятельность первого российского министра иностранных дел А. Козырева в 1991 - 1996 гг. В данном конкретном случае речь как раз идет о рациональной стратегии поведения представителя элиты, а не об изначальной мировоззренческой установке: в середине 1980-х гг. будущий "либерал" и "атлантист" Козырев писал работы, посвященные критике агрессивно-милитаристской позиции американского "империализма" [Козырев, 1985^а; 1985^б].

Что касается решения второй задачи (поддержания дефицитного уровня "внутренней" легитимности реформ), то здесь деятельность элиты включала два направления. Во-первых, была осуществлена целенаправленная анонимизация общественного сознания. Основу составило массированное разрушение прежней социалистической системы ценностей, способной стать серьезным препятствием легитимации процесса перераспределения собственности. (Под "аномией" в данном контексте понимается состояние общественного сознания, характеризующееся фактическим отсутствием ценностной основы.) Серьезную роль в процессе ликвидации ценностно-нормативной основы общественного сознания сыграло научно-философское сообщество.

Во-вторых, в 1990-е гг. проводилась активная работа по формированию новой либерально-рыночной мифологии, способной стать серьезным идеологическим фактором легитимации новой политико-экономической ситуации. Однако, несмотря на усилия элиты, деятельность по созданию целостной системы мифов, способной заменить прежнюю советскую мифологию, не привела к ожидаемому позитивному результату. В итоге в 1990-е гг. произошло формирование массового сознания, характеризующегося крайней анемичностью и отсутствием целостной мифологической системы.

Таким образом, можно сказать, что задача поддержания наличного уровня "внутренней" легитимности процесса перераспределения собственности была решена лишь частично. Закономерным итогом этого стал крайне низкий рейтинг Б. Ельцина. Более того, в 1999 г. "левоориентированное" большинство депутатского корпуса Государственной думы второго созыва попыталось осуществить процедуру отрешения от должности российского президента.

Подводя итоги осуществления элитой рациональной стратегии действий в период перераспределения собственности, стоит отметить ее довольно успешный характер. Во-первых, было сохранено и фактически использовано позитивное отношение Запада к осуществляемому процессу перераспределения собственности. Во-вторых, что самое главное, элите удалось все же сдержать "обвал" внутренней легитимности реформ и не допустить социального взрыва при наличии значительных протестных настроений в обществе. Таким образом, основная цель сложившейся в России элиты на данном этапе исторической ситуации, связанная с осуществлением глобального общероссийского перераспределения материальных и политических ресурсов, была осуществлена.

В конце 1990-х гг. историческая ситуация в стране изменилась. На смену периоду глобальных системных преобразований пришел этап закрепления и цементирование до-

стигнутых новаций. Сущностную основу данного этапа составила логика консервации политико-экономических результатов процесса перераспределения собственности, осуществленного в ходе революционных изменений 1990-х гг. Важнейшей целью элиты в данных условиях стало четко осознанное стремление сохранить полученные политико-экономические ресурсы. Вместе с тем рациональное поведение элиты в этот период помимо субъективного целеполагания обуславливалось причинами объективного характера, связанными, в свою очередь, со спецификой политико-экономического состояния российского общества.

К числу экономических факторов, повлиявших на поведение элиты в начале XXI в., можно отнести, во-первых, благоприятную динамику мировых цен на нефть, во-вторых, обусловленное этим успешное погашение внешнего государственного долга, сделанного еще во времена СССР. Внешним следствием действия указанных факторов стало закономерное (объективное) ослабление политико-экономической зависимости России от Запада, которое, в свою очередь, выразилось в значительном уменьшении субъективного стремления российской элиты продолжать поддерживать с ним диспаритетный диалог. В итоге, по всей видимости, отношения России с Западом, а главное, отношение Запада к России перестали играть роль важного фактора в субъективном построении элитой линии собственного поведения. Другим обстоятельством, повлиявшим на стратегию поведения элиты, был экзогенный фактор, связанный с сохраняющимся (хотя и снизившимся по сравнению с началом 1990 гг.) дефицитом внутренней легитимности. Здесь, как и ранее, существенную роль сыграло состояние аномии и отсутствие универсальной общественной мифологии, способной в позитивном плане повлиять на "внутреннюю" легитимность политико-экономической среды современного российского общества.

Итак, стратегия поведения российской политико-экономической элиты заключалась в консервации сложившейся структуры распределения собственности при субъективном ощущении независимости от Запада и сохранении дефицита внутренней легитимности. Основным препятствием в осуществлении поставленной цели, с точки зрения элиты, было наличие в российском обществе серьезных протестных настроений.

В начале XXI в., по сути, российское общество находилось в точке бифуркации, предполагавшей альтернативный выбор. Первый сценарий заключался в приоритетном решении проблемы дефицита "внутренней" легитимности через ревизию результатов перераспределения собственности ("левый" проект). Альтернатива ему, наоборот, была связана с приоритетной консервацией структуры распределения собственности при частичном решении проблемы дефицита легитимности ("центристский" проект)¹.

При оценке данной альтернативы явным становится противоречие первого варианта. Поэтому второй путь объективно оказывался наиболее рациональным (с точки зрения минимизации соотношения затраты-результат), и именно он был выбран в качестве стратегии социального поведения элиты. Практическое осуществление подобной рациональной стратегии - достаточно сложная задача, поскольку оно связано с необходимостью синхронизации двух процессов: консервирования структуры распределения материальных и политических ресурсов и преодоления обусловленных им протестных настроений. Решить противоречие возможно при помощи формирования в "протестном" массовом сознании сильнейшего мифологического образа, способного выполнить аккумуляционную по отношению к протесту функцию. Подобным образом объективно становится Запад. Обусловлено это тем, что на протяжении 1990-х гг. Запад выступал в качестве активного сторонника (и даже участника) процесса перераспределения российской собственности. Значит, он может с достаточной легкостью стать (в логике развертывания современного массового сознания) персонажем, единственно ответственным за все издержки, связанные с осуществлением курса либеральных реформ в 1990-е гг.

¹ Анализ данной ситуации свидетельствует об отсутствии праволиберальной альтернативы развития политической ситуации в России начала XXI в. В этом смысле поражение "правых" сил (ЯБЛОКА и СПС) на выборах в Государственную думу четвертого созыва было вполне закономерным.

"Антизападничество" функционально выступает в качестве точки "притяжения", вокруг которой может произойти (и фактически идет) формирование новой постсоветской идеолого-мифологической системы. В этом смысле "антизападничество" становится инструментом разрешения двух противоречий массового сознания, порожденных в период перераспределения собственности: высокой аномичности и слабой позитивной мифологизированности.

Проблема аномичности аннигилируется посредством актуализации и восстановления преемственности между системой патриархальных дореволюционных ценностей, коллективистских ценностей советского периода, с одной стороны, и этатистско-авторитарными установками современного массового сознания - с другой. При этом восстановление ценностной цепочки одновременно предполагает противопоставление ее ценностям Запада. Особую актуальность в связи с этим приобретают концепции, противопоставляющие российский авторитарный политический опыт ценностям и специфике западной (буржуазной) демократии. (В этом смысле вполне объяснимым становится факт реанимации творческого наследия некоторых дореволюционных российских философов, например И. Ильина.)

Противостояние России и Запада выступает в качестве основного сценарного сюжета проектируемых в настоящее время мифов. В качестве примера можно назвать политический миф о суверенной демократии. С одной стороны, миф восстанавливает преемственность российской истории, представляя последнюю в качестве плавной смены политико-культурных состояний (дореволюционная Россия-СССР-Российская Федерация). При этом на каждом историческом этапе сохраняется нечто неизменное, составляющее российскую цивилизационную идентичность.

С другой стороны, миф о суверенной демократии связан с противопоставлением России как суверенного государства Западу. В этом смысле характерно определение термина "суверенная демократия" как "образа политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются **исключительно российской нацией**" [Сурков]. Суть предиката "суверенная" заключается в обосновании особого, отличного от западного, характера российской властной системы как целостности, обусловленной исключительно цивилизационной спецификой России. (Из термина "суверенная" фактически изымается "внутренний" смысл, поскольку в строго юридической интерпретации "суверенитет" есть не только "внешняя" независимость власти, но и ее исключительная детерминированность интересами самого народа.)

Таким образом, можно сказать, что "антизападничество" как рациональная стратегия действий элиты выполняет по отношению к современному российскому общественному сознанию две функции. Первая - конструирование идеальной реальности. Она носит открытый характер и связана с формированием как новой системы ценностей, так и новой мифологии. Вторая функция "антизападничества" носит латентный характер. Ее содержанием является проекция и аккумуляция протестных настроений, имеющих место у значительной части российского общества. Образ Запада как врага призван "канализировать" страх и отводить ответную агрессию в надлежащее русло в соответствии с гласными и негласными распоряжениями" [Гудков, 2005, с. 38].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Л. Идеологема "врага": "враги" как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. М., 2005.

Козырев А. В. Огнестрельный бизнес: торговля империалистических стран оружием. М., 1985^а.

Козырев А. В. Торговля оружием в политике империализма. М., 1985^б.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.

Смолин О. Н. Политический процесс в современной России. М., 2006.

Сурков В. Национализация будущего (авторский вариант статьи) // <http://edimos.ru/news.html?id=116746>.